

Регина Грѣз

Вероника
из Тарлинга

Регина Грез Вероника из Тарлинга

*Текст предоставлен правообладателем
2022*

Аннотация

В Тарлинге пройдут смотрины невест для герцога, которого шепотом зовут Бессердечным. Скромная швея Вероника мечтает о путешествиях и не торопится замуж, а ее младшая сестра хочет учиться в столице. Между тем приближается самая длинная ночь в году, и слуги древнего зла набираются сил для новой битвы со смертными. В зачарованном замке готовится мрачное торжество, лишь смелость и преданность могут разрушить заклятье. А старые раны залечит любовь.

Содержание

Глава 1. Возвращение герцога	4
Глава 2. Случайное знакомство	15
Глава 3. Защитница старых преданий	26
Глава 4. Сестры	36
Глава 5. Утром в городе	47
Глава 6. «Дарующая свободу»	55
Глава 7. Прошлое и настоящее	61
Глава 8. Признание	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Регина Грез

Вероника из Тарлинга

Глава 1. Возвращение герцога

На благодатных землях Маликории широко раскинулся славный город Тарлинг. Любой странствующий рыцарь, искушенный в военных делах и не раз штурмовавший вражеские крепости, мог с одного взгляда оценить высоту каменных стен и гордую мощь сторожевых башен. В тревожные дни дозорные пытливо вглядывались с них в даль, готовые в случае близкой опасности подать сигнал трубачам и призвать на помощь сограждан.

Но вот уже много лет у главных ворот Тарлинга наблюдались лишь крестьянские повозки с продовольствием, многочисленные купеческие караваны да пестрые наряды бродячих скоморохов. Во владениях старого короля Гальбо царил мир.

Солнечный зимний день давно перевалил за середину, но горожане не спешили расходиться с необычайно короткой воскресной службы в местном соборе. Затаив дыхание, народ жадно ловил каждое слово из медлительной, важной речи почтенного Бургомистра, который выступил сразу же после священнослужителя.

Зычный голос старшего из цеховиков гулко отдавался от высоких сводов, чья роспись минувшей осенью была удачно обновлена.

– Славные жители Тарлинга, вот уже триста лет гордо именуемого также городом Мастеров! Со слезами радости могу сообщить, что законный владелец земель Маликории скоро почтит нас визитом. Вчера я получил письмо на гербовой бумаге с оттиском нашей любимой птицы.

Бургомистр торжественно поднял серебряный поднос с важным посланием, а после показал собравшимся и сам документ. Только люди, стоящие совсем близко, смогли разглядеть силуэт снегиря на сургуче печати – в толпе тотчас послышались восторженные возгласы и одобрительный женский шепот.

Наконец барон д'Эберви, специально приехавший на встречу с Бургомистром, чуть заикаясь от волнения, задал вопрос:

– Сколь долгим ожидается визит герцога? Посетит ли он ратушу и мое имение? Замок вряд ли пригоден для приемов. Где намеревается остановиться наш господин или же будет лишь проездом, как в прошлый раз.

Повисло неодобрительное молчание. Даже Бургомистр нахмурил седеющие лохматые брови – этот д. Эберви порой так наивно бестактен. Слишком жив оказался в памяти горожан последний визит Конты де Маликора. В то время он как раз начинал службу в королевской гвардии и значился на

хорошем счету у монарха.

Печальные события всколыхнули город ровно двадцать лет назад. Страну терзала междоусобная война, взявшая начало с восстания Гроз. После непродолжительной осады Тарлинг был захвачен отрядами мятежного герцога Кайро, пожелавшего занять трон и переманить на свою сторону самых верных вассалов Гальбо.

Стояла невиданно суровая зима, на лету замерзали птицы, казалось, вместе с полчищем бунтаря на город ополчились и силы потусторонней тьмы. Кайро вызвал юного де Маликора обратно в родной замок, угрожая расправой над большим отцом, массовыми казнями заложников и разграблением Тарлинга.

Возможно, пылкий и неопытный Конта поступил опрометчиво когда с небольшим отрядом рыцарей тайно покинул войска и вернулся в город под белым флагом парламентаря. Не щадя жизни он хотел спасти замок Снегирей со всеми его обитателями. Но Кайро запросил поистине чудовищную цену – отречься от короля и выступить в рядах мятежников.

Понимая, что сын скоро окажется в ловушке и вынужден будет сделать жестокий выбор, престарелый де Маликор выбросился со стены башни, не желая служить предметом шантажа.

Сам Конта был схвачен и подвержен пыткам в подвале собственного замка. Однако ни муки, ни лстивые обещания будущих привилегий не смогли заставить его перейти под

ненавистные знамена Черных псов.

Взбешенный упрямством пленника и обеспокоенный тем, что к Тарлингу стягиваются преданные королю силы, Кайро приказал поместить израненного де Маликора на самый нижний ярус подземелья и замуровать выход.

«Пусть радость победы Старика будет отравлена гибелью любимого вассала!»

О дальнейших событиях того страшного года в городе Мастеров до сей поры ходят легенды. Спустя сутки после того, как Кайро на площади объявил испуганным жителям о смерти всего семейства Снегирей, сборщик хвороста нашел в роще неподалеку от замка бездыханное тело своего молодого господина. Биения сердца также не было слышно, но, к изумлению крестьянина, Конта поднялся на ноги и приказал отвести его в ближайшую деревню.

Говорят, молодого герцога вызволила из заточения фея Незамерзающего ручья, который питает колодцы замка Снегирей. Будто бы древняя покровительница этих мест не могла позволить роду де Маликоров угаснуть, лишившись единственного наследника.

Конту выходили земледельцы, а замок скоро был очищен от захватчиков. Сам же Кайро был убит во время штурма, а голову его увезли в столицу, чтобы показать королю. Впрочем, это лишь официальная версия. В Тарлинге шептались, будто, осознав поражение, непримиримый Кайро взошел на донжон – высочайшую башню крепости и призвал Черного

Охотника – ловца грешных душ, своего зловещего покровителя.

И якобы тот не замедлил явиться, дабы принять герцога в свиту демонов с песьими головами. Не оттого ли в самые темные ночи декабря горожане боятся высунуть нос из дому, пока по улицам среди метелей рыщут гончие мертвецов, а на кладбище по утрам находят погнутые кресты и разворошенные могилы людей сомнительной репутации.

После разгрома противников король высоко оценил преданность Конта де Маликора и выделил достаточно средств из своей казны для восстановления замка Снегирей и стен Тарлинга. Но к удивлению и горечи горожан, молодой хозяин не стал задерживаться в разоренном гнезде. Казалось, мрачная тень Кайро все еще витала над дымящимися руинами.

Прикрывая лицо со следами пыток, Конта два дня просидел у склепа с останками родных, а потом объявил сопровождавшему его оружейнику, что намерен покинуть город и вернуться к службе.

– Замок восстанавливать не нужно, там поселилось зло. Пусть наместник Дантон занимается имением, а город выберет нового Бургомистра взамен повешенного. Я намерен посвятить себя благому делу защиты королевства. Не позволю больше грязным убийцам топтать улицы Тарлинга. А потому оставляю здесь свое сердце, оно было бы слишком тяжелой ношей в моих новых боях. Пусть охраняет покой этих

мест. Однако вы также берегите мое сердце – оно еще может понадобиться владельцу. Однажды я вернусь, чтобы стереть кровь с рук и продолжить славный род Снегирей, чей герб отражает отвагу и преданность.

Конта приказал собрать оставшихся слуг отца и представителей самых почтенных семейств города, назначил смотрителей за семейной гробницей, где уже давно покоился прах любимой матушки, раздал другие важные поручения и скоро отправился защищать южные рубежи королевства у Ничейной пустоши.

По разному толковали горожане слова герцога о сердце, оставленном на родине. Кто-то решил, что это лишь красивая фраза, пригодная для героических баллад. А другие со страхом вообразили, что герцог на самом деле скончался, не выдержав тяжких мучений, а вместо него по земле бродит двойник, созданный заклятиями древних существ, именуемых феями. Да мало ли о них самих здесь ходило сказаний...

Двадцать долгих лет разрастающийся Тарлинг с гордостью ловил вести о победах своего господина, двадцать долгих лет стареющий оружейник Рауль заботился о ветшающей часовне в ограде проклятого замка. И вот пришел день, когда Конта де Маликор наконец решил навестить город. Почему же именно сейчас?

В стране давно утихли междоусобные распри, королевство Гальбо процветает. Сам герцог уже не так молод и, вероятно, желает увидеть могилы предков, коснуться потуск-

невших гербов на решетках ворот. Но, возможно, не одна лишь тоска по отчему дому влечет Конту в Тарлинг.

Бургомистр выдержал многозначительную паузу, чтобы в соборе вновь стало тихо, а потом с лукавой улыбкой значительно произнес:

– Наш господин приезжает затем, чтобы выбрать себе невесту. Так все и написано – «повинуясь воле короля, намерен найти супругу, способную разделить...» и так далее... Какая прекрасная новость!

Толпа благодарно ахнула, колыхнувшись из стороны в сторону подобно волне из меховых плащей и выходных камзолов. Доблестный Конта де Маликор не прельстился очарованием придворных красавиц и желает найти жену именно в землях своего рода.

Трогательно и благородно! Нужно незамедлительно провести учет всех достойных девиц. И взгляды присутствующих тотчас обратились на побледневшего д'Эберви.

Дочери барона – Терезе как раз исполнялось в этом году восемнадцать лет. Она была дивно хороша и прекрасно воспитана. Правда, у барона была еще и старшая дочь, но история обретения ее вышла несколько запутанной и вызывала противоречивые эмоции у самого Вильгельма д'Эберви.

Дело в том, что мать Вероники – белошвейка редкой красоты и ума, некогда находилась у него в услужении, а потом неожиданно попросила расчет и была отпущена с увесистым кошельком за поясом. Решительная женщина вернулась в ма-

стерскую своей тетушки, где спустя семь месяцев появилась на свет и Вероника.

Упорным трудом и умелым капиталовложением Алисия смогла обеспечить безбедное детство малышке, так и не открыв имени ее отца. Тайком барон помогал, пока позволяли средства, но война разорила и более крупные поместья. Чтобы поправить финансовые дела д'Эберви женился на горожанке из состоятельной семьи ювелира.

Стоит отметить, избранницу свою он уважал и нежно любил, так что нельзя считать его слишком расчетливым. А через положенный срок появилась и законная, желанная дочь, названная Терезой. Барон души не чаял в милой малютке.

Среди забот и радостей прошли годы. Может, Вероника не узнала бы о младшей сестре и своем родовитом отце, но череда печальных событий свила их судьбы в крепчайший узел. Матери девушек в одну промозглую осень слегли от горячки: Алисия истаяла как свеча на руках безутешной Вероники, а баронессу Гринельду оплакали в доме д'Эберви.

Когда же захворала и маленькая Тереза, поседевший Вильгельм неделю отказывался от еды. Терзаемый страхом перед новой потерей, он навестил комнатку над мастерской, где проживала Вероника, и, склонив давно не мытую голову, открыл старшей дочери ее истинное происхождение, умоляя вместе с ним испросить у богов выздоровление слабой от рождения Терезе.

Может, молитвы доброй Вероники и впрямь обладали чу-

додейственной силой или то было простым совпадением, но со дня признания д'Эберви в семье его больше не было горестей.

Между бароном и старшей дочерью установились странные отношения, о которых постепенно узнал весь город. Унаследовав гордый нрав матери, Вероника наотрез отказалась переселяться в имение отца, но охотно подружилась с юной сестрой и часто ее навещала в городских покоях, встречая самый теплый прием.

Самого же д'Эберви она по-прежнему называла «господин барон» и вела себя с ним подчеркнуто вежливо, чем вызвала смущение отца, обладавшего мягким характером и склонностью к меланхолии.

Так отчего же Вильгельм д'Эберви разволновался, когда речь зашла о выборе невесты для герцога... Разве очаровательная и скромная Тереза не достойна стать леди де Маликор и хозяйкой замка Снегирей? Или барон надеялся на еще более достойную партию для любимой дочери? В Тарлинге перешептывались и по этому поводу.

На давнем новогоднем празднестве, осушив несколько чарок крепкого вина, д'Эберви поведал знатым горожанам о встрече с лесной феей. Будто бы он оказал ей мелкую услугу, и в благодарность Волшебница обещала исполнить одно его заветное желание. Растерявшись от выпавшей на его долю удачи, в тот миг барон мог думать лишь о судьбе любимой дочурки, которой тогда было всего пара месяцев от роду. Вот

кому хотелось подарить все блага мира.

– Пусть моя дочь выйдет замуж за короля! – выпалил барон, покраснев от волнения.

– Чудно! – будто бы согласилась фея. – В ночь, равную дню, я навещу тебя и лично передам счастливнице сей драгоценный дар. Обещаю, она станет замечательной королевой. Я уже вижу, сколько пользы она принесет нашим землям.

На этом рассказ барона неожиданно оборвался по причине неустойчивости рассказчика и осталось загадкой, как именно прошел визит феи в дом д'Эберви. Поразившись бурному воображению барона, слушатели с удовольствием продолжили его историю для родных. Впечатлительные дамы, а также их служанки разнесли милую сказку по всему городу, добавляя новые подробности и яркие детали.

Недаром маленькую Терезу еще долго называли принцессой и прочили золотую диадему на пышных кудрях. И хотя мало кто поверил захмелевшему барону всерьез, его новогодний рассказ со временем превратился в красивую местную легенду.

В благополучном Тарлинге испокон веков любили и хранили добрые предания, сулящие городу достаток и мир. А фей и гномов здесь видел почти каждый местный житель: на цветущем летнем лугу и среди полыхающих багрянцем осенних зарослей, между схваченных морозцем обледеневших ветвей и в звенящих струях весеннего ручья. Древние существа искусно владели магией и могли щедро наградить

понравившегося им смертного. Или безжалостно наказать, если считали нужным.

Вот только опустевший замок Снегирей народ обходил стороной, опасливо бормоча обережные молитвы. Если верить слухам, по винтовой лестнице смотровой башни все еще бродит ночами призрак злобного Кайро, а из подвала часто доносятся стоны измученного пленника.

Скорее бы вернулся единственный хозяин и наследник! Возможно, после свадьбы Конта де Маликор поселится в родном гнезде и осыплет Тарлинг милостями.

Город готовил герцогу самую пышную встречу.

Глава 2. Случайное знакомство

Спустя неделю после известия о приезде герцога

Главная улица Тарлинга проходила через центральную площадь с ратушей, рынком и небольшим фонтаном. Своим юго-восточным концом она упиралась в Хлебные ворота, а северо-западным в узенькую речушку и мост, ведущий к замку Снегирей. Именно туда и направлялась Вероника, рассчитывая по пути завершить несколько ответственных дел. Но сейчас каждый в городе сбивается с ног, по своему готовясь к визиту столь важного гостя. Недаром столько людей спешат мимо с сосредоточенными лицами.

Веронике нужно многое успеть до сумерек: занести сорочки ворчливой госпоже Крим, купить позолоченные пуговицы для заказа дядюшки Баффо, провести крылатых друзей и ближе к вечеру навестить сестру.

Ах, да, не забыть еще о сахарной пудре для старушки Марлен! Едва годы перевалили за восьмой десяток, она вдруг чрезмерно пристрастилась к сладкому, но от кленовой патоки у нее начинает чесаться нос и за ушами. Марлен мучается бессонницей и начинает тяжело вздыхать о том, что годы идут, а единственная внучка еще не нашла себе достойного мужа.

Почему именно эта тема приходит бабуле на ум среди ночи, остается секретом, но Веронике от этого не легче. В по-

следнее время и барон начал задавать странные вопросы при встрече, правда ли, что сын главы гильдии мясников – славный малый и пора бы ему обзавестись собственным домом. Но Вероника здесь не при чем!

«Ну, конечно, славный... руки, как молоты, а голова маленькая, с приплюснутым затылком, словно ее уложили однажды на наковальню да хорошенько пристукнули. Еще у Гальреда глазки узенькие и делаются масляными, когда он смотрит на хорошеньких горожанок, приоткрыв рот с редкими зубами».

Строгий лекарь категорически запретил Марлен употреблять лакомства, так хитрая бабуля убедила Веронику посыпать на кусок черного хлеба немного сахарной пудры – тогда запросто можно представить вместо него шоколадное пирожное. Ммм... Вероника обожала пирожные. Особенно самые дорогие – миндальные, с вишенкой на взбитом сливочном креме. С вишенкой, словно красная грудка снегиря на январском снегу.

В ратуше скоро состоится большое торжество в честь приезда герцога. Бургомистр обещал заказать сотню салфеток с фамильным гербом де Маликоров. Но надо еще завершить вышивку на рыцарском шарфе господина Милле, всем известно, старый скряга очень придиричив, хотя сотню лет как не садился в седло.

Столько же разных хлопот! Так ведь заказы приносят в дом хлеб, сыр, мясо, и даже книги о приключениях рыцарей

и пиратов, которые Вероника тайком доставляла сестре, чтобы прочесть вместе на два голоса пока не замечает строгая нянюшка. Причем, Терезе всегда доставалась роль благородной дамы, нуждающейся в помощи, а Вероника изображала ее не менее благородного защитника.

Иногда это был король, переодетый в одежду простолюдина или опальный принц, пострадавший от нападков колдуньи мачехи. Главное, что в конце каждого романа герои находили свое счастье и дарили друг другу первый целомудренный поцелуй под кроной раскидистого ясеня или омелы.

На этом месте Вероника едва сдерживала смех, глядя, как увлажняются большие карие очи впечатлительной Терезы. Ну что такого особенного может быть в поцелуе! Лишь бы от мужчины не пахло пивом или луковой колбасой. Правда, личный опыт Вероники в этом вопросе был очень мал, но она была старше сестры на целых два года, и ей хотелось казаться более умудренной в любовных делах.

Нетерпеливо потряхивая корзинкой, Вероника пропустила повозку с мукой и парочку стражников, идущих по домам с ночного дозора, а потом перебежала на другую сторону улицы, внезапно налетев на юношу в скромной одежде оруженосца при странствующем рыцаре. Тот слишком стремительно показался из-за угла булочной и скорее всего был более виноват в происшествии.

Юноша поскользнулся и, увлекая Веронику за собой, свалился под ноги своему внушительному спутнику – высоко-

му крупному мужчине, чье лицо оставалось скрыто в тени капюшона.

– Простите мою неловкость. Вы не слишком ушиблись? – шепнула Вероника, пытаясь подняться самостоятельно, удержав при этом корзиночку с аккуратно сложенным бельем госпожи Крим.

– Совершенно не важно, как я пострадал, дивная фея, – воскликнул юноша, – мне нужно крепче стоять на ногах. Об этом твердят мне с детства, да видно без толку. Порой я даже рад своей неуклюжести... А сейчас, так совершенно счастлив.

Вероника досадливо кашлянула, осознав, что ее подхватили за талию крепкие руки незнакомца, наблюдавшего за этой сценой со стороны.

– Советую быть внимательней, девочка, – заметил тот с явно снисходительными нотками в низком хриловатом голосе.

Теперь следовало бы отряхнуть теплый плащ, еще раз извиниться и бежать по своим делам дальше. Но покровительственный тон заставил Веронику ответить немного холодней, чем она собиралась.

– Благодарю за помощь! Надеюсь, ваш знакомый ничего себе не сломал.

– О! Я совсем не против, если вы упадете на меня еще раз, – галантно раскланялся юноша, прижимая руки к груди. И так мило улыбнулся, похлопав длинными светлыми ресни-

цами, что Вероника не могла долго сохранять строгий вид. Похоже, парень лишь беззлобно шутил, желая продолжить знакомство.

Выросшая в среде ремесленников, она привыкла к некоторым пикантным словечкам и вольностям в разговоре. Однако, если дело ограничивалось только игривыми намеками, а не открытой грубостью. Утонченная красота и бойкий язычок Вероники были известны на всю округу, но никто из жителей Тарлинга не мог похвастаться особой благосклонностью молодой швеи.

Между тем, вежливо поклонившись, юноша снова обратился к ней:

– Мы путешественники и желали бы осмотреть ваш город, а после найти приличный ночлег. Не сдаются ли в вашем доме нижние комнаты?

Вероника растерянно прикусила губу. Какое удивительно совпадение! Перчаточник Баффо как раз недавно проводил своего прежнего жильца и теперь надеялся найти столь же состоятельного клиента или даже двух, как раз столько людей вмещала каморка рядом с его мастерской. Так не вести же к нему на постой первых встречных – не в меру болтливому парню и мрачного рыцаря. В том, что сделавший ей замечание незнакомец был именно рыцарем, Вероника почти не сомневалась.

Стоило бросить опытный взгляд портнихи на дорогую одежду и длинные ножны с серебряной гравировкой. Его

превосходный черный плащ был скреплен на плече фибулой, усеянной красными камешками, скорее всего, то были настоящие рубины. В таком случае, юноша всего лишь оруженосец при нем, но как же свободно он держится, не боясь твердой руки господина.

«Странная компания эти двое, а вдруг они разбойники или шпионы соседнего Фарбста? Тамошние кузнецы недавно крепко повздорили с нашими силачами и получили немало шишек и синяков. Неужели послали наемных бродяг разведать сроки приезда королевского Закупщика или выведать секреты нашей прочнейшей стали...»

Ответ осторожной Вероники прозвучал довольно уклончиво:

– Сейчас трудно найти подходящее жилье на короткий срок. В городе много гостей, все хотят лично увидеть кортеж герцога, а если повезет, то и его самого.

– Разве возвращение де Маликора такое уж большое событие? – презрительно ухмыльнулся Рыцарь, все так же скрывая лицо.

Обидевшись всерьез, Вероника откинула со лба капюшон и гневно сверкнула глазами.

– Для каждого жителя Тарлинга – это личная радость!

– И даже для вас, милая девушка? – отчего-то восхитился оруженосец.

Совершенно бесцеремонно он ухватился за подставленную руку старшего спутника и теперь отряхивал снег с до-

рожной куртки.

– Особенно для меня, – уточнила Вероника, – я жду герцога с малых лет, нам непременно нужно увидеться. Есть важное дело.

– Невероятно! Какое же?

– Разумеется, вам я сказать не могу. Прошу простить, мне следует поторопиться.

Юноша разинул рот, переводя взгляд с Вероники на Рыцаря.

– Ты слышал, как она говорит? Не иначе знатная дама вышла на прогулку без сопровождения слуг. И Конту здесь ждут. Чудеснейший город – я восхищен!

В ответ Рыцарь снова пренебрежительно хмыкнул и повел плечами, словно разрывая невидимые путы, затем резко отвернулся, приложив ладонь к бровям, чтобы прикрыться от солнечных лучей. Там, на северной стороне города, за скрипучим мостом стоял одинокий заброшенный замок – с давних пор служивший обителью лишь для черных ворон да крикливых галок.

Проследив направление взгляда незнакомца, Вероника решила раскрыть часть своих планов, с которых обычно начиналась ее новая неделя.

– Я как раз собираюсь идти в сад де Маликоров – кормлю там пичужек, хотя Рауль и ворчит. Могу и вас проводить – все пилигримы желают увидеть место легендарного сражения. И уж после, если вы, конечно, не передумаете, отведу к

знакомому мастеру, что сдает теплые комнаты вместе с добрым обедом, который, кстати, часто готовлю я. Мы добрые соседи, и стараемся помогать друг другу после смерти родных.

На самом деле Вероника рассчитывала немного лучше узнать чуждых странников, ведь если они замышляют в городе беспорядки, то следует заблаговременно предупредить караул.

– А кто такой Рауль и почему он ворчит? – осведомился «оруженосец», шагая рядом с Вероникой так запросто, будто она была его давней подругой. А ведь он только что представился ей как Лежьен Ламарк.

– В старой кузнице у замка живет один дряхлый и вредный старикашка, – поделилась Вероника, – он вдруг решил, что обязан охранять поместье даже от честных людей. А мы еще ребятишками облазили там все во дворе и в саду, правда, ничего не ломали, не крали, и даже ухаживали за яблонями и кустами вишни. Жаль, она становится горше год от года. Я сама рыхлила землю и подвязывала стволы, носила воду из реки – ничего не помогает. И певчих птиц становится меньше с каждым годом, и белки пропали, а по вечерам над Снегирями кружат стаи черных ворон. Но из леса иногда прилетают дикие голуби, надеюсь, увидеть их сегодня.

Многие жители Тарлинга боятся даже заходить за ограду, говорят, в замке обитают призраки. Так вот, я с детства играла у разрушенной стены и даже залезала на южную башню

через окно, один раз я просидела в часовне до первых звезд – никаких троллей и фей. Мне с этим не везет! А вот другие видят, не все же из них вруны...

– Мы с тобой похожи, Вероника! – вздохнул Ламарк. – Я тоже хотел бы наблюдать что-то волшебное. Но в моем случае чудеса встречаются только в сказках. Я прочитал тысячу двести пятьдесят книг в библиотеке отца, и это лишь те, что заключены в переплет из овечьей шкуры, а сколько рукописей... Фью, и не счесть!

– Не слишком ли ты ученый для простого оруженосца? – хихикнула Вероника.

– Я... гм... понимаешь, мой отец знатный и состоятельный человек, но часто мной недоволен. Я его единственный сын и должен идти по заранее проложенному пути. А я не хочу. Отсюда и все разногласия. И к тому же некрепко держусь на ногах, как ты успела заметить.

– Ведь это я толкнула тебя, – утешала Вероника, не скрывая улыбки. – Заметно, что ты человек образованный, может, найдешь свое призвание в медицине или другой науке. Моя сестра хотела бы стать врачевательницей, я тайком приношу ей мудреные фолианты из лавки Косого Табара, а летом мы вместе собираем и сушим целебные травы. Но женщине трудно самой вершить свою судьбу, идя наперекор чаяниям родных. А ты о чем мечтаешь, Лежьен?

– О, мне хотелось бы рисовать карты тех земель, где мы успели побывать. Этому я немного учился в столице, но ведь

нужно постоянно практиковаться. А где как не в путешествии набраться опыта и укрепить ноги?

– Верно! Получается твой спутник у тебя в услужении? – шепотом спросила Вероника. – Отец отправил его тебя охранять? Очень разумно с его стороны. Рыцарь грозен и молчалив, как подобает людям его специальности. Можно узнать его имя или это является тайной?

Лежъен несколько смутился, тяжело вздохнув.

– Скорее именно я увязался за ним против воли отца. Моему другу нужно было навестить Тарлинг, а я не мог упустить возможность побывать за пределами Гальсбурга.

– Так ты проживал в столице? – ахнула Вероника. – Теперь я тоже начну фантазировать о большой поездке. Мне так хочется повидать чужие земли, наряды их жителей, обувь и украшения и книги... новые книги и картины – я же нигде еще не была. Но свой город я очень люблю, у нас пекут самый душистый хлеб и куют самые прочные мечи. Мне пока довольно будет твоего рассказа, если остановитесь у дядюшки Баффо, я вас навещу. Тем более, что обед вам будет готовиться на нашей кухне. После кончины матушки мы живем как одна семья с одиноким пожилым соседом. Он шьет перчатки, а мы берем заказы на другую одежду и вышивку.

– Так ты швея? Я думал, владелица книжной лавки.

– Ах, если бы... – зарделась Вероника. – Ты угадал, мы с Терезой не раз уже это обсуждали. И кроме книг там продавались бы расшитые мною чехлы для очков и вязанные за-

кладки. И множество прочих приятных мелочей для гостинной... Но что смешного я говорю? Не смей называть меня слишком наивной и перестань жмуриться, словно кот, ставивший сметану, здесь слишком скользко, можешь опять равновесие потерять.

– Я и не думал шутить, дорогая Вероника, напротив, мне по душе твоя идея. Может, откроем лавку вместе, я выставлю на продажу географические карты и к тому времени напишу историю моих путешествий. Хотя бы их первый том...

– Они ведь только начались – твои приключения, друг, – усмехнулся рыцарь, и Вероника с невольной досадой поняла, что он внимательно прислушивался к разговору.

Глава 3. Защитница старых преданий

Рыцарь внушал ей странную неприязнь и в то же время опаску. Он даже прячет лицо, как будто на нем есть отметины, по которым его легко узнать. Неужели Ламарк полностью ему доверяет? Как давно они знакомы, не грозит ли славному юноше опасность рядом с ним. И насколько прилично самой Веронике продолжать путь в мужской компании?

«Хм... Вон и домик госпожи Крим впереди показался, такой же чопорный на вид, как его хозяйка, может, случайные попутчики дальше пойдут одни, дорога выведет к реке и без моих подсказок».

Но Ламарк разрубил прохладный воздух ребром ладони и задорно провозгласил:

– Решено! После замка ведешь нас к своему Баффо. Ты же не будешь против... а-ам... Карбут?

Из-под капюшона показался высокий смуглый лоб и темные глаза Рыцаря, но нижняя половина его лица оставалась скрыта куском черного полотна, вызывая все больше подозрений Вероники.

«Уверена, Карбут – это не настоящее имя! Напрасно я пообещала устроить их на ночлег к нашему соседу... Надеюсь, у Скрытного сыщутся здесь другие знакомые».

– Что ж, давай пару дней побудем гостями Перчаточника, – согласился Рыцарь, искоса посматривая на девушку. – Тебе нужно отдохнуть, Ламарк. Тем более, ты уже подружился с нашей проводницей.

Сегодня Вероника была немного рассеянной, отдавая служанке сорочки для привередливой госпожи Крим. И немудрено, ведь рядом ее поджидала странная пара – улыбчивый юноша, прочитавший множество книг из коллекции строгого отца и хмурый рыцарь, до сих пор не открывший лицо полностью.

Рыцарь, который очень уж уверенно двигался по самой широкой и многолюдной улице города – так, будто не раз уже здесь бывал. И еще он позволил себе небрежно отозваться о всеобщей радости. А вдруг он выживший сторонник Кайро и желает зла герцогу де Маликору?

От этой мысли у Вероники неистово застучало сердце и голубые глаза ее с ужасом искали в высокой статной фигуре Карбута признаки преступных намерений.

«Нет-нет, у нашего господина должна быть большая свита, а еще его окружит толпа, но, что если в ней будет скрываться убийца...»

«А вдруг он просто угрюмый человек, испытавший в жизни кучу невзгод, тогда подозрения мои совершенно напрасны».

Добросердечная Вероника искренне считала, что в каждом живом существе непременно есть что-то хорошее, нуж-

но только получше его узнать. Но рослый, плечистый мужчина ни разу не остановил на ней прямого взгляда, а ведь можно так много прочесть именно по глазам. Вот Лежьен Ламарк – открытая душа, в ней много цветных картинок и веселых песен.

В любом случае, не следует пока упускать эту пару из виду, а попробовать расспросить Ламарка, чтобы скорее развеять сомнения.

– Думаю, ты бы понравился Терезе, – рассуждала Вероника, принимая самый беззаботный вид, – сестричка тоже любит слушать разные занимательные истории, только со вчерашнего вечера на нее напала тоска.

Ламарк охотно поддержал разговор:

– Ах, Тереза... это имя подходит принцессе, которую похитил дракон. Чур, я буду тем смельчаком, что освободит юную красавицу. Ведь твоя сестра не может быть злобной старой каргой, я бы ни за что не поверил. А что ее так печалило?

Вероника цепко глянула на замедлившего шаги Рыцаря и тихо ответила:

– Тереза прекрасна, словно розовый бутон. Однако совершенно не желает участвовать в отборе невест для нашего герцога.

– Так может, она мечтает о короле? – рассмеялся Лежьен, поддерживая локоть Вероники на скользкой дорожке.

– Ах, нет! О зяте – короле мечтает всего лишь ее отец.

Терезу беспокоит другое... Не стоит даже обсуждать, я не намерена верить чужим домыслам.

Тут рыцарь неожиданно вмешался в беседу, повернув голову так, что из-под капюшона, подбитого мехом куницы выпали на плечо темные пряди длинных прямых волос.

– Нечему удивляться, конечно, бедняжка напугана! Про Конту де Маликора болтают ужасные вещи. Тебе тоже доводилось их слышать, Вероника?

Она вздрогнула, услышав из его уст свое имя. Насмешливый и одновременно печальный голос взволновал ее. Разве он мог принадлежать подлому злодею... Скорее уж одинокому искателю приключений для благородной души и могучего тела. Но почему рыцарь так пренебрежительно говорит о герое Тарлинга?

– Ваш герцог горбат и уродлив, к тому же хром на правую ногу и не имеет двух пальцев на левой руке. Кто бы пожелал себе такого мужа? – продолжал издеваться тот.

– Глупые сплетни! – возмутилась Вероника, готовая яростно защищать своего кумира о внешности которого, впрочем, не имела ни малейшего понятия, но в ее представлении Конта де Маликор не мог быть уродом. Просто не мог! А уж красавцем мужчине вовсе быть не обязательно.

– Так что же тревожит вашу сестру? – не унимался Рыцарь.

– Гмм... – Вероника тщательно подбирала слова, – она просто не хочет становиться женой человека, которого при-

нуждают к браку. «Кто бы еще спрашивал, чего она сама хочет!» Ведь говорят, что именно король торопит герцога с выбором супруги, иначе бы де Маликор вообще не приехал к нам. То есть я хочу сказать, это большая честь для города, но Тереза надеется, что удачно ее минует.

«Кажется, мое пояснение вышло сумбурным...»

Вероника немного лукавила. На самом деле до Тарлинга долетали слухи о тяжелом характере Конты и его жестокости на поле битвы, а порой и за его пределами. И вот герцог скоро приедет в родной город, чтобы выбрать себе жену. А Тереза д'Эберви молода, хороша и родовита, пусть дела в их имении опять идут не лучшим образом из-за попустительства рассеянного барона.

«Надо непременно навестить ее и успокоить. На приеме в ратуше будут и другие девушки, возможно, он выберет Анну – племянницу Бургомистра, у нее кукольное личико, порой даже кажется немного глупым. Или Софию – дочь мастера Арно, старшего из ювелиров. Правда, она капризна, в прошлый раз отказалась забрать льняную скатерть из-за того, что красные нитки показались недостаточно яркими, а жемчуг у бахромы мелковат. Но ведь заказ был срочным, я сидела над ним две ночи...».

Задумавшись, Вероника опять начала рассуждать вслух: – И потом, наш герцог истинный герой. Мы все чтим в памяти его подвиг.

Рыцарь зловеще расхохотался, заложив за широкий ко-

жанный пояс большие пальцы обеих рук. Вероника чуть не уткнулась носом в его широкую грудь, так резко он преградил ей дорогу.

– Что же такого сделал ваш хваленый герцог, будучи еще сопливым мальчишкой? Он не спас жизнь отцу, не уберег город от разграбления, даже себя не смог защитить той страшной зимой.

В гневе от подобного заявления Вероника отпрянула назад и бесстрашно замахнулась пустой корзинкой.

– Не смейте так говорить о нашем господине! В самый тяжелый день он вернулся сюда и разделил участь Тарлинга.

– И это ты называешь подвигом, девочка? Истечь кровью в холодном подвале, а потом очнуться в ледяном ручье и даже не помнить, как туда попал.

На глаза Вероники внезапно навернулись слезы обиды. За герцога, не за себя.

– Вы ничего о нем не знаете. Ничего! Любая девушка будет счастлива и горда носить его имя.

– И даже ты, Вероника? – бесцеремонно спросил Рыцарь.

– О! Я... я не попаду на церемонию встречи, меня не внесли в список вероятных невест.

– Отчего же? – поразился Ламарк. – Я-то подумал, что перед нами самый прелестный цветок в здешнем саду.

– Да-да, и у роз бывают колючки... – от волнения она вдруг стала излишне откровенной. – Но дело совсем в другом. Мои родители никогда не заключали брак, и Бурго-

мистр решил, что это серьезное препятствие.

– Чепуха! – воскликнул Ламарк. – Мой отец вообще не собирался жениться на матушке, достаточно было того, что признал меня сыном.

– Довольно громких слов! У тебя, наверно, жар начинается, ты не в меру болтлив.

Рыцарь стянул перчатку и положил большую ладонь на гладкий белый лоб юноши, а потом повел ниже и крепко зажал ему рот.

– Тише! Слишком много говоришь, а потом вновь станешь сокрушаться из-за своей несдержанности.

Вероника оцепенела от властности этого жеста. Разве охранники так ведут себя по отношению к господам...

– Что вы делаете? Отпустите, ему нечем дышать.

Наконец раскрасневшийся Ламарк смущенно откашлялся и, как ни в чем не бывало, вновь обратился к спутнику:

– Я лишь хотел сказать, что Конта не столь щепетилен в выборе супруги. Если девушка добра, скромна и привлекательна – ее происхождение не столь важно. А кто был твой отец, Вероника?

Она вдруг поняла, что не в силах больше продолжать тягостный разговор и совместную прогулку, надменность и язвительность Рыцаря чрезвычайно угнетала.

– Мой отец был простой солдат и... (вздых) он не вернулся с войны. Да! А теперь извольте ступать по во-он той тропе между лавками мясника и продавца специй, – она приве-

дет вас к речке. Замок Снегирей оттуда видно как на ладони. Останется лишь перейти мост. Если не найдете ночлег в окрестностях замка, вернитесь к площади, где мы встретились, и спросите дядюшку Баффо. Каждый укажет вам его дом. Наш сосед будет рад новым гостям, если, конечно, они добрые люди и им есть чем платить за постой. Прощайте!

Уже не скрывая слез, Вероника подхватила края старенького плаща и, неловко задев плечом Рыцаря, побежала в сторону реки. Морозный ветерок обдувал ее лицо, заставляя полыхать щеки. Пальцы замерзли и никак не хотели попадать в варежки на льняной веревке, продетой в рукава.

«Давно пора избавиться от детского приспособления, но что поделать, если я их постоянно теряю...»

«Сейчас куплю все, что задумала и скорей в замок – расскажу Раулю про этих двоих, пусть не вздумает пускать рыцаря дальше ворот – он не уважает нашу историю, насмехается над славной памятью...».

– Постой, Вероника, я же едва научился ходить, мне тебя не догнать! – с явным сожалением кричал позади Ламарк, все еще пытаясь за шутками скрыть неловкость.

На выразительном лице юноши живо отобразилось грусть. Очевидно, он не хотел так скоро расставаться с новой знакомой. И оттого сердито выговаривал мрачному спутнику:

– Ты крепко обидел ее! Зачем вообще был нужен этот спектакль? Такое чудесное создание и станет думать о нас невесть что... В первый раз я свободно говорил с девушкой

моих лет из народа, и заметь – она отвечала без малейшего жеманства. Я не хочу ее потерять, слышишь? К тому же намерен познакомиться с ее младшей сестрой. Немедленно догони и скажи, что сожалеешь!

– Если пойдешь быстрее, мы окажемся у замка раньше, – примирительно отвечал тот. – Ну же, хватайся за мою руку. Ты разве забыл? Вероника хотела по пути заглянуть к меднику и в кондитерскую, чтобы купить подарок для бабушки. Чем ты вообще слушал, растяпа?

– Не смей грубить! И обещаю, что мы еще встретимся с милой швейей. И устроимся у перчаточника... как она его назвала – Баффо? Он должен быть славный старичок, я напишу его портрет. Сколько у нас времени осталось до приезда главного Снегиря? Два дня и две ночи, верно? Потом мне придется таскаться за тобой по балам и глазеть на томных красоток. Вот где начнется настоящая скука. Подумать только, Веронику не включили в список! Слушай, зачем тебе вообще нужно кого-то искать? Эта девушка – истинное сокровище. Ее отец был солдат, и сама она обожает герцога за его великие подвиги. А уж как хороша...

– Видишь вон тот сугроб? Похоже, края его щедро политы помоями. Зато твои мягкие сапоги будут забавно торчать с самой вершины.

– Не осмелишься! – Ламарк мальчишески рыцарю показал язык и хитро прищурился.

– В таверне ты проиграл мне четыре дерзких поступка,

помнишь? – спокойно заметил тот.

– Я?... Хи-хи, возможно, я был немного пьян и не уследил за твоими руками. Ты явно жульничал, подбрасывая кости.

– Но ты признал поражение, пока я тащил тебя до постели.

– Признай и ты, что обидел хорошую девушку зря!

– Если б ты меньше трепал языком, мы давно бы нагнали ее. Впрочем, уверен, до вечера успеешь забыть даже имя белошвейки. Уверен, в городе есть более покладистые красотки, за четверть серебряного далера готовые смеяться над каждой твоей глупой шуткой.

– Но ведь не все они похожи на переодетых герцогинь... – печально вздохнул Ламарк.

На эту реплику Рыцарь уже ничего не ответил – он задумчиво наблюдал за тем, как старенький плащ Вероники скрывается в конце улицы. Девушка держалась с редкой грацией и достоинством, а ее улыбку будет непросто забыть.

Глава 4. Сестры

Каждую зиму из своих сельских угодий барон перебирался в просторный городской дом. Вильгельму д'Эберви нравилось местное общество, пышные уличные праздники, новогоднее торжество в ратуше Тарлинга, когда столы ломятся от обилия угощений, а музыканты выводят зазорные мелодии. И осушив третью чашу с элем, Бургомистр хвастает, как ловко ему удалось обыграть в шахматы главу соседнего Фарбста несколько лет назад. Уж не с той ли самой минуты начались раздоры между городами...

В холодную пору жизнь Тарлинга становилась более размеренной и спокойной, чем в те дни, когда нужно было следить за сбором урожая, делать запасы, выгодно продавать излишек. Хотя Тереза очень любила проводить время в поместье, после завершения осенних полевых работ с нетерпением ждала переезда в город. Ведь там ее чаще будет навещать любимая сестра. С ней можно поделиться сокровенными мыслями, доверить маленькие секреты и спросить совет.

– Наконец ты пришла, Вероника! Что тебя задержало? За окнами уже совсем темно.

Пока ворчливая нянюшка подавала озябшей гостье нагретые у очага домашние войлочные туфли, Тереза спешила рассказать главные новости.

– На Городском Совете решили, что первыми герцог по-

сетит именно нас. Отец очень обеспокоен, нужно вычистить дом от холла до чердака и много всего закупить. Я волновалась, что ты не придешь сегодня, я бы тогда заснуть не смогла. Нам столько надо обсудить!

— Кажется, отец боится, что де Маликор именно тебя возьмет в жены, и ты станешь всего лишь скромной герцогиней. А барон мечтает видеть тебя на троне!

По сравнению с хрупкой бледной сестрой Вероника сияла здоровым румянцем и была выше Терезы на полголовы. Светло-русые косы ее свободно спускались на плечи, в то время как каштановые локоны Терезы прикрывала тонкая золотая сеточка. Но в лицах обеих девушек угадывалось несомненное сходство — прямой тонкий нос, благородный высокий лоб и густые темные брови над большими выразительными глазами — карими у младшей дочери д'Эберви и голубыми у старшей.

Весело подмигнув сестре, Вероника присела перед нянюшкой в глубоком реверансе, надеясь вызвать на ее хмуром морщинистом лице хотя бы подобие приветливой улыбки. Матушка Розель была вовсе не злой, но считала, что Вероника порой дурно хорошо влияет на обожаемую воспитанницу.

Дочка простой швеи чересчур разговорчива и смешлива, к тому же очень любит читать, а приличное ли это занятие для юной особы женского пола? Ведь известно, что в романах бывает подробное описание кровавых битв и любовных признаний. Нет, нет, от этих рукописей гораздо больше вре-

да, чем пользы. И все же Терезе нужна подруга, а уж если их объединяет кровное родство, верная Розель не будет препятствовать встречам.

Наконец сестры уединились в комнате и первым делом заключили друг друга в объятия. Вероника сразу же принялась рассказывать о том, как прошел ее день:

– На главной улице сразу за рыночной площадью я встретила двух путешественников. Один показался мне мрачным рыцарем, а второй мог быть его оруженосцем. Но теперь я в растерянности – сдается мне, что это слуги самого герцога, прибывшие узнать обстановку в городе до приезда господина.

– Начни же с самого начала, не пропуская ни малейшей детали, – с волнением в голосе попросила Тереза. – Вот, садись ближе к теплему боку камина, накинь поскорей мою шаль, у тебя ледяные ладони. Сейчас я велю принести нам ромашковый настой с медом и свежие булочки.

Спустя полчаса оживленной беседы Тереза успела ужаснуться и очароваться приключениями сестры. Саму-то ее не выпускали в город без присмотра няни и парочки крепких слуг. Как же счастлива Вероника, что старушка Марлен полностью доверяет ее благоразумию.

Впрочем, через пару лет Терезе тоже исполнится двадцать, и она потребует гораздо больше свободы. Если, конечно, к тому времени суровый супруг не запрет ее в башне своего замка, как случилось с графиней Брандегю из балла-

ды о Печальном драконе.

– Пожалуйста, продолжай! Ты нарочно остановилась на самом интересном месте. Что же случилось, когда ты подошла к воротам? Говоришь, он тебя уже поджидал. Но кто? Это был тот рыцарь в черном плаще? Вероника, я сгораю от нетерпения!

– При чем здесь рыцарь?! Мне нет до него никакого дела. Я говорила о старом Рауле. Он с чего-то вздумал встретить меня у самого моста и был необычайно любезен. Думаю, все оттого, что в прошлый раз я подарила ему кiset, расшитый левкоями. Старику он ужасно понравился.

– Дальше, дальше, Вероника!

– Так вот, Рауль поклонился и без обычных тяжких вздохов сразу же пропустил внутрь. Я спросила его о путниках, а он ответил, что «господин в часовне». Ты понимаешь, что это значит, Тереза? Сомнений нет, рыцарь и Ламарк – это посланники герцога де Маликора. Иначе Рауль не улыбался бы в свои рыжие усы и не прятал слезы – я смогла их заметить, хотя он и ссылался на слепящее солнце.

– О, Вероника, ты успела поговорить с доверенными нашего герцога!

– И ничего здесь особенного! На одного из них я даже свалилась. Ламарк – замечательный, если будет возможно, я вас познакомлю. Он обещал показать свои карты и путевые заметки, также у него есть маленькая книга с рисунками лекарственных трав, ты можешь такое представить? Ее

переплет инкрустирован крохотными изумрудами, надеюсь, он не выдумывает и это не раскрашенные стекляшки. Вот только как же тебе выбраться из дома... Решено, пусть Ламарк сам нанесет вам визит, ведь он человек благородный и барон не станет противиться такому общению. Под присмотром обожаемой Розель, конечно.

Вероника ухватила за длинные концы шали и закружилась по комнате, напевая любимую «Сороку», а Тереза с волнением смотрела на сестру, прижав тонкие пальцы к груди.

– А как он выглядит? Припомни еще хоть что-то...

– Рыцарь? Хм, не хочу пугать тебя на ночь, дитя мое.

– Но я спросила о Лежъене. Какое прекрасное имя – Лежъен... словно белый лебяжий пух – мягкий и теплый. А с чего мне бояться рыцаря?

Вероника вдруг стала серьезной и снова опустилась на край постели рядом с сестрой.

– Ты рассудила верно, Лежъен Ламарк весьма привлекательный юноша, у него светло-серые глаза и добрая улыбка. Когда я насыпала крошки в кормушку, они вместе с рыцарем как раз выходили из часовни. И на лице рыцаря не было черного платка. Нехорошо над этим шутить, я напрасно смеялась. Понимаешь, Тереза, у него шрамы вокруг рта – словно следы от проколов толстой иглой. Я думаю... только не пугайся, ты же такая чувствительная, так вот, я думаю, что когда-то давно ему зашивали рот.

– Ах... но кто мог настолько чудовищно обойтись с чело-

веком? – от волнения Тереза прижала ладони к щекам.

– На свете живет довольно жестоких людей, а не одни лишь щедрые феи в зимнем лесу, – многозначительно ответила Вероника и после краткого молчания добавила:

– Вероятно, он пострадал в плену, но получил свободу и теперь стыдится следов пытки. Не скажу, что это очень уж страшно выглядит, но я сразу отвела взгляд, излишнее внимание могло его рассердить.

– Бедняга! Конечно, герцог доверяет ему, если отправил впереди себя в наш город.

– Это всего лишь предположение, но меня успокоило поведение Рауля – он старый солдат и его не обманешь. Врагам Снегирей он нипочем не открыл бы засов. Вот и все мои новости, дорогая сестричка!

Вероника озабоченно потерела кончик пушистой косы, расправила на коленях складки простого серого платья.

– Надо попросить Розель, чтобы разбудила меня до рассвета. Я думаю о бабушке. Она знает, что я заночую у тебя, но все равно на душе котят скребутся. Но прости, я все о себе... Ты уже начала готовиться к встрече? Покажешь платье и туфельки? Служанки, должно быть, с ног сбились, подыскивая кружева и ленты, осталось всего пара дней.

Тереза печально вздохнула.

– Я хотела притвориться больной, но тогда подведу отца, ведь наш дом будет первым открыт для посещения герцога. В здешних краях д'Эберви самое громкое имя после де Ма-

ликора. Хотя отец говорит, что наши предки были куда как богаче и спесивей нас. Наши общие с тобой предки, Вероника, ведь ты тоже можешь взять имя отца! Умоляю, будь рядом со мной на приеме, пусть нас представят герцогу вместе.

– Сестричка, я с радостью провожу тебя до самых дверей зала, но вряд ли уместно большее.

– Ведь ты так долго ждала его! Вспомни, у тебя важное поручение. Притом, ты старшая дочь барона – это признали все.

Тереза с надеждой коснулась ладони сестры, пока та задумчиво разглядывала широкий светло-зеленый гобелен на стене, изображавший сцену охоты. По мнению Вероники, дикий кабан больше походил на жирного деревенского бора, а королевские всадники на сборище подвыпивших ме-нестрелей.

– Хорошо. Поскольку на приеме в ратуше меня не будет, то единственная возможность увидеть Конту так близко появится лишь в вашем доме. Благодарю небеса! Вот только хватит ли у меня духу передать ему медальон...

– Если уж ты сомневаешься и трепещешь, что обо мне говорить? Я умру, едва он на меня взглянет, – жалобно всхлипнула Тереза.

– Что за глупости! Герцог такой же человек, как и остальные. Ну, почти...

– Ах, Вероника, послушай, как бьется мое сердце – словно птичка, которая вот-вот попадет в силки. Скоро жизнь наша

переменится, я видела чудной сон, будто мы с тобой едем в золоченой карете, а вокруг играет музыка и порхают птицы. Вдруг раздается жуткий вопль – дверцы открываются и ледяной ветер уносит тебя вдаль. И всадник на черном коне с трудом пробивается сквозь метель... и свора голодных бродячих псов идет следом. А я осталась одна, в руках у меня книга...

– Тереза, это всего лишь сон! Придвинься ближе, я расплету твои волосы и спою колыбельную. Все страхи сразу уйдут.

– Какое счастье, что ты у меня есть, я ни за что не хочу с тобой расставаться. Пообещай, что никогда меня не оставишь!

Вероника задумчиво покачала головой.

– Обещаю! Когда станешь важной замужней дамой, я переберусь в ваш богатый дом и стану следить за хозяйством. И нянчить ваших детей. Шить им нарядные платьица, вязать чулки...

– Но ты выйдешь замуж раньше меня, Вероника! И самое главное, сможешь сама выбрать себе супруга. Уверена, он будет достойнейший человек: умный, красивый, богатый. Отец не станет приказывать тебе... я-то знаю.

– Нет-нет, моя дорогая, я совсем не спешу переходить во власть чужого мужчины! Большинство из них чрезмерно много о себе мнят. И теперь, когда открылось мое истинное происхождение, все видится в другом свете. Некоторые

прежние друзья смотрят на меня с почтительной робостью, а люди вашего круга со снисходительным любопытством.

Для первых я вдруг стала недосыгаема, а вторых больше интересует положение барона и мое вероятное приданое. Довольно грусти, Тереза, будь уверена, я смогу защитить и тебя от неуютного брака. Уж я постараюсь, чтобы ты была счастлива, сестричка.

Желая отвлечься от смутного беспокойства, Вероника поцеловала ее в горячий лоб и, привлекая к себе на грудь, принялась баюкать, тихо напевая:

*Сорока вертится на суку –
Черна, бела, зелена.
Далекое различив «ку-ку»,
О чем болтает она?
Она стрекошет: «Я так умна,
Не так уж правда мала,
Но из пустейшего пустяка
Судьба меня создала...»*

Тереза засмеялась, словно колокольчик зазвенел и последний куплет сестры продолжили вместе:

*«А все же, братцы, и на меня
Пошло кой-какое добро –
Перчатка ночи, салфетка дня
И луковое перо». (с)*

– Вы уже украсили дом еловыми ветками, остролистом и омелой? Помнишь, как мы собирали ягоды, а Розель заснула под тисом и потом долго искала нас за деревьями, призывая на помощь Единого бога, а заодно и всех фей Маликорины? Я так и не поняла, кто услышал ее раньше.

Вспоминая недавние забавы, Тереза жмурилась от удовольствия:

– Меня больше не пустят с тобой в зимний лес! Но было так жутко и весело в этом огромном дупле, хотя у меня скоро озябли ноги.

– А пирог на день Трех колосков? Ты положила кусочек под подушку, как мы условились?

– К сожалению, он так и не исчез...

На хорошеньком личике Терезы появилась едва ли притворная грусть.

– Во всем городе было столько морковных пирогов, что гном просто не добрался до твоей комнаты! – утешала Вероника.

В самый разгар их беседы в комнату неслышно вошла нянюшка Розель. Некоторое время она пристально смотрела на девушек, пытаясь сохранить строгий вид, а после уведомила Веронику, что с ней желает поговорить барон.

– Ах, верно! – спохватилась она. – Мне сказали, господин д'Эберви очень занят расчетами, потому я сразу прошла к сестре. Готовься ко сну, Тереза, я скоро вернусь пожелать тебе доброй ночи.

Посещая дом барона, Вероника изредка оставалась до утра и тогда Розель исправно готовила для нее гостевую комнату, но утром сестры почему-то все равно оказывались под одним одеялом. А на столике рядом с оплившей свечой лежала раскрытая книга с цветными картинками. Хорошо, что нянюшка Розель не слишком ловко умела читать, а описания любовных признаний обычно таились ближе к концу...

Глава 5. Утром в городе

Зябко кутаясь в плащ, Вероника выскользнула из садовой калитки в ограде особняка д'Эберви и быстрым шагом направилась вверх по заснеженной улице. Над городом только-только вставало багровое декабрьское солнце, но из пекарни семейства Ловерни уже доносился дразнящий аромат свежей выпечки, а пожилой седельщик тащил сани со своим немудрящим товаром до рыночной площади.

Вероника ласково улыбнулась и кивнула знакомой ученице златошвейки, спешившей с раннего утра в мастерскую к строгой наставнице. В другое время она с радостью перекинулась бы с юной Амели парой слов, но сейчас на душе было неспокойно, ночью Веронике едва удалось заснуть.

Город оживал, принимаясь за обыденные дела – скрипели ставни домов, открывались ворота, бранились дворники. Из мясной лавки слышались позвякивания ножей и скрежет точильного колеса. Главный фонарь на центральной площади уже погас до следующего вечера. Как тут не вспомнить прелестные стихи Кретьена де Труа:

*Ремесленников много тут;
Торопится рабочий люд:
Ружейники куют мечи,
Там – сукновалы, здесь – ткачи,*

*А ювелиры – мастера
Из золота и серебра
Чеканят чаши, кубки. Дале
Лежат изделия из эмали...*

Добежав до родного квартала, Вероника замедлила шаг и отняла от лица варезку, которая тотчас покрылась ниточками ажурного инея. Опустив голову, Вероника с тоской вспоминала поздний разговор с отцом.

«Если де Маликор выберет тебя, ты уедешь с ним в Гальсбург и возьмешь с собой сестру. Вас представят при дворе, где Тереза сразу понравится принцу. Это прекрасная возможность показать себя наследнику. Хозяйка Незамерзающего ручья солгать не могла – моя дочь обязательно станет королевой! Но и нам пора приложить старания, не стоит рассчитывать на одну лишь мощь древнего волшебства. Хорошо ли ты поняла меня, Вероника?».

«Нет... Вы хотите от меня невозможного...»

«Упрямая девочка! Сейчас решается судьба твоей младшей сестры. Со дня на день герцог войдет в наш дом. Ты наденешь лучшее платье и будешь любезна с ним. Конте все равно, говорят, он даже не смотрит на внешность женщин и выберет ту, что больше подходит его положению. Не спорь, Вероника, ты тоже д'Эберви! Ты красива и твоя репутация безупречна.

Ну, почти... если забыть тот случай, когда ты влезла на дерево якобы за рыжим котом, и Рауль кричал, что прилюдно

отстегают тебя кнутом за порчу имущества герцога. Прошло три года, никому не придет в голову вспоминать постыдное происшествие. Вчера даже Бургомистр согласился со мной. Похоже, он не спешит предлагать свою племянницу де Маликору».

Вероника смахнула слезы с ресниц, вспоминая свой неловкий ответ:

«Ну, еще бы! Ведь герцога называют Бессердечным, к тому же Конта горбат и хром, у него нет двух пальцев на левой руке... они все такие трусихи!»

«Конта богат и обласкан монархом! Он первый военный советник Гальбо. Что нам до его внешности? Разве ты не хочешь стать герцогиней, Вероника? Все в городе знают, что каждый большой праздник ты украшаешь алтарь в часовне Снегирей цветами или сосновыми ветками, часто молишь у Запрещенных богов удачи нашему господину. Кто, как не ты достойна стать его верной спутницей?»

«Имя Конты де Маликора звучит, как легенда о доблести. Я легко отдала бы за него жизнь, но стать супругой... нет, нет – это невозможно даже представить! А вдруг он окажется совсем другим? Вдруг он изменился за долгие годы, и я не смогу его уважать, стоя так же близко, как к вам сейчас. Я не боюсь его вида, пусть даже он будет стар и уродлив, я полюбила бы его за доброе сердце, но если его поступки меня оттолкнут... Если его не зря прозвали Бессердечным... О, это было бы самое страшное!

Нет, господин барон, я не стану притворяться и жалобно щебетать, как птичка в когтистых лапах кота. И не верю, что для Терезы будет лучше в столице среди надменных вельмож. Ваше стремление сделать ее королевой порой граничит с безумием!».

«Остановись, вздорная девчонка! Ты осмелилась перечить отцу!»

«Я узнала о вас всего две зимы назад. Но матушка утверждала, что вы были храбрым солдатом и остались на поле сражения. Благодарю, что подарили мне дружбу с Терезой! Будь я уверена, что она жаждет очаровать принца, сбежала бы из Тарлинга вместе с ней и помогла добраться до трона. Но Тереза хочет изучать медицину, притом даже за порог вашего дома ступить не может, слуги не спускают с нее глаз, словно она белочка в золотой клетке и сорит изумрудами».

«Не смей больше носить ей книги о путешествиях и единорогах, покорных лишь невинным девам. Иначе вовсе запрещу видеться с сестрой! Поверь, дочь моя, я хочу для вас лишь наилучшего... Мне самому тягостен будет запрет, но ты не оставляешь выбора».

– Как прикажете, господин барон! Но в разлуке мы обе погибнем. И этот грех будет висеть на вашей совести как пудовая гиря мясника.

Вероника не заметила, что произнесла последние слова вслух, едва не наткнувшись на высокого мужчину, идущего ей навстречу и не думавшего посторониться. Знакомый

хрипловатый голос насмешливо произнес:

– Похоже, вы всегда так задумчивы по утрам. Вам следует обзавестись надежным провожатым, Вероника... Я еще издали заметил тебя.

Она вскинула голову и снова увидела перед собой темные, почти черные глаза, в глубине которых таилась давняя боль. Мрачный рыцарь на сей раз не прятал лицо за куском темной ткани, видно, надеялся, что в эту пору на улице будет немного людей, но сама она узнала бы его и в толпе – по одной лишь статной фигуре и богатому одеянию нездешнего покроя.

Повинуясь порыву отчаянной смелости, Вероника решительно произнесла:

– Вы же знакомы с герцогом. Скажите прямо, он хороший человек?

Рыцарь чуть нахмурился и сразу же стал серьезным.

– Смотря для кого, Вероника. Похоже, ты боишься обмануться в своем герое.

– Боюсь – это правда, – быстро согласилась она. – Я с малых лет люблю сказки, а жизнь порой гораздо печальнее и страшней. Но я умею различать свет от тьмы, меня не так-то просто запутать.

– Так, может, именно герцогу следует бояться разочаровать тебя.

– Право, ваши слова очень чудны! По сравнению с ним я серая птичка – коноплянка. Что господину до моих забот...

Она даже не отшатнулась, когда рыцарь осторожно взял ее за плечи и наклонился ближе, словно желая придать особый вес своим словам.

– Ты – капелька крови Тарлинга. Частичка города, где осталось его раненое сердце. Ты – дитя земли, за которую он был готов умереть. Будь уверена, ты очень дорога ему, Вероника.

Не дослушав, пораженная внезапной догадкой, она громко воскликнула:

– Вы были там, верно? Вы сами видели, что стало со Снегирями? Если так, не нужно прятать шрамы, вы могли бы гордиться ими... пусть позор ляжет на тех, кто с вами такое сотворил!

Едва вымолвив последние слова, Вероника в страхе зазмурилась, потому что лицо мужчины исказила гримаса досады. Решив, что задела его, она быстро залепетала:

– Умоляю простить! Я не желала нанести вам обиду, я только хотела сказать...

– Я услышал довольно!

– Вы не сердитесь? Моя прямота могла показаться вам оскорбительной.

«Что же со мной такое, я сейчас будто читаю наизусть признание госпожи Блюмквель в сцене на балконе из романа ссыльного барона де Моне... Зачем мне хочется выглядеть перед ним благородной дамой, напрасно... неловко...».

С чего бы вдруг ей стало необычайно важно его доброе

мнение о ней, но в ответ рыцарь холодно проговорил:

– Ты же спешишь домой? И раз теперь мы соседи, нам в одну сторону. Держись за мою руку, чтобы не поскользнуться. Хочу быстрее доставить тебя старушке Марлен.

Немного смутившись, она приняла его предложение, и только робко спросила:

– Откуда вы знаете мою бабушку?

Голос мрачного спутника заметно потеплел:

– Вчера она немного посидела с нами у очага, Баффо налил ей горячей похлебки, а Ламарк предложил кусок цыпленка и ломоть бисквита.

– Сладкое ей нельзя!

– Именно так она и сказала, отказавшись от второй порции яблочного пирога. Теперь Ламарк хочет ее нарисовать. Когда сам немного поправится.

«Значит, они поселились с нами под одной крышей, и я уже сегодня могу еще разузнать о Маликоре... Но разве Лежён болен...».

– А что случилось с вашим другом? Он не здоров?

– Пустяки, легкая простуда. Пара дней в постели, теплое питье и слабость пройдет. Марлен обещала найти в сундуках целительные носки из козьего пуха.

– Да-да, матушка всегда одевала мне их в холода... Они будто и впрямь волшебные – скоро помогут.

Он шел уверенным, четким шагом, стремительно увлекая ее за собой, и, слегка запыхавшись, Вероника уже без особых

церемоний схватила его за рукав куртки.

– Вы лекаря искали сейчас? Господин Мальтер живет недалеко от дома барона д'Эберви. Но за услуги он берет серебро. Зато рядом с площадью есть лавка тетушки Барвинок. Так мы ее называем, она навестит Ламарка за вполне умеренную плату.

– Я ходил проведать коня и слуг. Они остались на Гостевом дворе у Хлебных ворот.

«Его друг болен, а он навещал коня вместо того, чтобы спросить совета целителя!»

– Жизни Ламарка ничто не грозит, – тихо заметил рыцарь.

– Вы умеете читать мысли?

– Твое молчание звучит осуждающе.

Вероника была растеряна – этот чужой человек за пару случайных встреч сумел вызвать в ней множество странных чувств: от неприязни и подозрения до глубокого интереса и невольной симпатии, ведь он был лично знаком с Контой.

Теперь Веронике захотелось, чтобы длинная, извилистая улица впереди не кончалась долго-долго. Идти под руку с Рыцарем было тепло и спокойно.

Глава 6. «Дарующая свободу»

Конта не планировал снимать жилье в городе у мастеровых – то была задумка Ламарка. Уж очень хотелось ему поселиться среди простого люда, постичь душу ремесленников, окунувшись в их незамысловатый быт, разделить с ними стол и кров.

Потом на пути странников возникла Вероника – подвижная, словно ртуть, переменчивая, как небеса и чистая, как горный родник. Второй день ее образ поднимается в памяти – она сказала, ей нужна встреча с герцогом – что ж, это легко можно устроить. Наверно, подаст жалобу или прошение. Будет очень удивлена, узнав в случайном знакомом своего господина.

Баффо шепнул, что сродная сестра ее ни в чем не испытывает нужды, причем, отец их вовсе не погиб на войне, а является одним из самых родовитых людей в Тарлинге – до сих пор жив и довольно упитан. Однако Вероника старается не зависеть от его толстого кошелька. В таком случае, кроме старой Марлен у нее больше никого нет. Возможно, кто-то хочет воспользоваться непростым положением молодой швеи, склонить к дурным поступкам. Нужно ее защитить.

И вот новая встреча, словно судьба нарочно сводит их вместе посреди заснеженного города. Вероника уже не опускает глаза, не боится его внешности, а напротив, убеждает

гордиться отметинами. Но ведь они получены не в бою...

Конта тряхнул головой, прогоняя воспоминания о сыром подвале замка Снегирей, где провел самые страшные часы в своей жизни.

«Завтра еще раз навещу часовню и загляну в собор. А после уже весь город будет трезвонить о моем появлении, не удастся побыть одному».

– Куда же ты, Вероника?!

Но старенький темный плащ опять мелькнул впереди.

* * *

Разглядев рваную курточку знакомого подмастерья, Вероника оставила руку своего спутника и кинулась через площадь к фонтану. На краю его, сгорбившись, сидел мальчишка двенадцати лет. Рядом лежал холщовый мешок со снастями и пара клеток, где томились пойманные на заре птицы: взъерошенный щегол, пара беспокойных чечеток и маленький красногрудый снегирь.

– Ах, негодник! Опять за свое взялся. Ты разве не слышал распоряжения Бургомистра насчет снегирей? Немедленно выпусти! Не то пожалуюсь Бриону и тебя строго накажут.

Ничуть не испугавшись угроз, юный сапожник шмыгнул посиневшим носом и, дерзко поглядывая из-под залатанного башлыка, просипел:

– Будешь вредной ябедой, не найти тебе хорошего жениха,

Вероника. А значит превратишься в тощую старую деву, как госпожа Кошачья угодница. Пфф... мяу!

От неслыханной дерзости Вероника на мгновение растерялась, и после решилась на более спокойные переговоры, хотя внутри все кипело от злости.

Мальчишка еще с прошлой весны повадился ловить бедных птишек за южной стеной замка. Но по закону Тарлинга снегирей строжайше запрещено держать в клетках. И все равно не хотелось доводить дело до властей. Паренек – сирота, а хозяин за малейшую провинность с него три шкуры дерет. Нет, нет, Вероника совсем не желала наглецу больших неприятностей, но держала себя очень строго.

– Не стану жаловаться, если просто откроешь клетки.

– С какой стати мне их открывать? Купи!

– С собой у меня нет и гроша. Пойдем к нам, я найду тебе медный далер и напою медовой водой, ты совсем продрог, заодно зашью твой драный колпак и накидку.

– Никуда я с тобой не пойду!

– Не упрямясь, Малек, прости, что накричала, мне просто жаль ни в чем не повинных птишек, смотри, как они находились и притихли, словно горя о своей участи. За что их держать в плену? Они родились на воле, наполняют свистом и трелями наши леса и сады, славят небо и землю. Смотри, как дрожат их клювики, как часто бьются испуганные сердечки... А эти черные бусинки глаз, разве они не вызывают к нашему состраданию...

– Цеце-це! Ты известная болтушка, Вероника, любого можешь уговорить, только я уши закрою и ничего не хочу знать, – упрямылся паренек, нахохлившись, как озябший галчонок.

– Ах, ты так... Не смей продавать снегиря, я сейчас принесу тебе деньги. Открой уши, разбойник! Жди здесь, я скоро вернусь.

На ее плечо легла тяжелая ладонь в кожаной перчатке.

– Останься! Я заплачу сразу за всех, и ты сможешь сама их выпустить.

На глазах изумленной Вероники, рыцарь протянул мальчишке новенькую серебряную монету с профилем короля и жестко сказал:

– Клетки теперь тоже мои, а также силки и приманки. Девушка права, тем, кто привык к полету, неволя хуже смерти. Хотел бы ты оказаться привязанным веревкой к железному пруту или скованным цепью? Молчишь... Беги домой, пока уши не отморозил!

– Я верну вам деньги, – прошептала Вероника, прижимая к груди неожиданный подарок – радостная и смущенная.

Первым она избавила от оков снегиря – тот легко выпорхнул из клетки и, покружив над площадью, уселся на бронзовую голову Стойкого Тариоля. С давних лет статуя отца-основателя города украшала собой фонтан. Вероника с восхищением следила за полетом счастливой птички, а рыцарь не мог отвести взгляда от ее раскрасневшегося лица.

«Вероника Дарующая свободу. Прекрасная и решительная Вероника с добрым и верным сердцем. Кого мне еще искать...».

Звонкий голосок ее эхом рассыпался по площади, что начала заполняться народом.

– Благодарю вас от всей души! Идемте же, Марлен и Ламарк заждались, я помогу вам нести клетки, но что вы будете с ними делать?

Она улыбалась и сама щебетала, как довольная птичка, отчего грудь его наполнялась давно забытым теплом и покоем, схожим с безмятежностью морской глади – неизвестно, когда начнется буря. Но в эту минуту Конта вдруг ощутил себя снова юным и живым, полным страстных желаний и надежд.

– Ты, волшебница, Вероника, – печально пробормотал он, перекинув через плечо легкую суму.

– Нет, но я верю в чудо, – раздался веселый ответ. – Оно обещано мне давным-давно и непременно произойдет. А может, не только со мной... Я точно знаю, чудо мое будет столь огромным и светлым, что с лихвой хватит на двоих. А если нет, я готова отдать его без остатка, ничего не тая для себя. Так же, как он поступил однажды.

Порывисто отвернувшись, последние слова Вероника прошептала, будто убеждая себя, но в голосе ее внезапно слышались слезы.

– Не смотрите на меня удивленно, я всегда волнуюсь, открывая очередную клетку. Эгей, летите скорее в сад! Рауль

насыпал зерен в кормушку и приготовил немного сальца для синиц – вам надо пережить зиму, а уж к лету сами сыщете прокорм, очищая поля от толстых гусениц и жуков.

Пораженный ее горячностью, он молчал, чувствуя ком в горле и стеснение в груди. Отчаянно захотелось расправить крылья и тоже взмыть в посветлевшее небо. Конечно, забрать с собой и ее – девушку, что готова отдать свое чудо придуманному герою из красивых легенд. А разве он это заслужил...

Вероника слишком мечтательна и наивна. Однажды в ней проснется жажда любви и ничто не сможет остановить ее, словно реку, ломающую льды по весне. Будь он твердо уверен, что сможет дать ей такую любовь, ни колеблясь ни мгновения увез бы ее из Тарлинга и сделал своей.

Глава 7. Прошлое и настоящее

Вероника ласково успокоила Марлен, поделилась с ней новостями из города и, пройдя в свою каморку на втором этаже, разложила перед собой работу на ближайшие дни. Нужно раскроить и подшить три белоснежные простыни, закончить с вышивкой на рыцарском шарфе и подумать, как освежить серое выходное платье с простым круглым вырезом. Жаль, за последние годы оно стало немного тесновато в груди да и покрой выглядит старомодным.

Разглаживая пальчиками потертую ткань на локтях, Вероника мысленно убеждала сама себя:

«Я согласилась присутствовать на обеде в честь герцога, но разве обязана наряжаться в бархат и атлас... Мне гораздо больше подходит лен и бумазея. Впрочем, напрасно я заупрямилась и отказалась от шелкового отреза, ведь Тереза предлагала от всей души. Барон будет недоволен моим скромным нарядом, а герцог Конта и вовсе не заметит в этой мышинной шкурке.

Тогда я выйду вперед и преподнесу ему свой подарок, может, мне не представится иной возможности заговорить. Хорошо бы еще спросить рыцаря о платке с гербом, понравится ли он его строгому господину...».

Вероника устало вздохнула – безделье не прибавит в корзине еды и в кошеле монет, пора приниматься за крой. Вот

только у нее всего две руки, а хочется начать сразу с десятков дел. Ничего, скоро придут ученицы и Этелина – вторая швея.

Когда была жива матушка, в мастерской трудилось шесть женщин, и заказы сыпались словно из волшебного мешка изобилия. Алисия отлично умела организовать работу и общаться с поставщиками, целыми днями она проводила в заботах и планах, позволяя юной Веронике больше читать и гулять.

В их доме никогда не считали покупку книг напрасной тратой сбережений. Алисия словно наперекор своему невысокому статусу отчаянно желала привить дочери хорошие манеры, для того даже нанимала лютниста и учителя танцев, платила за уроки рисования бродячему художнику. Правда, потом сама же отхлестала парня веником, заметив, какие пылкие взгляды он бросает на округлившиеся формы пригожей ученицы.

Гораздо больше сведений о светской жизни Вероника черпала из книг, что продавали на ярмарках, а также из рассказов дядюшки Баффо, ведь перчаточник некоторое время жил в столице и повидал много пышных господ.

«Конечно, я сама виновата, что после ухода матушки дела наши пошли хуже. Сначала от горя я не могла держать иголку в руках, да еще узнала правду об отце и словно потерялась на время – все расспрашивала Марлен о бароне, затем лучшая наша швея ушла, чтобы открыть собственную мастерскую. Я затянула со сроками, выполняя большой заказ господина

Томма, утратила его расположение и доверие...».

Теперь в помощницах Вероники осталась одна Этелина – верная, прилежная, но не слишком расторопная. Она превосходно отшивает камзолы и дамские платья не слишком вычурного кроя, но медленно, так медленно, что зажиточные горожане предпочитают совершать покупки на соседней улице.

«Зато у меня неожиданно появилась сестра, словно лучик летнего солнца. Возможно, теряя что-то хорошее, мы получаем новые дары. Сколь разумно все устроено в мире. Но не всегда и не для всех...»

Желая отвлечься от грустных воспоминаний, Вероника приподняла крышку большого деревянного сундука, окованного листами железа и подбитого внутри красным сукном. Там, под свертком тонкой шерстяной ткани хранилась шкапулка в виде бочонка, украшенного белыми и голубыми эмалевыми вставками.

Здесь-то и обитали главные сокровища Вероники – пара тоненьких рукописей господина де Моне (Терезе, пожалуй, их не следует читать, они слишком пикантны), батистовый платок, на котором еще пару лет назад она сама вышила герб де Маликора и одна загадочная вещица, несомненно, хранившая множество тайн.

То был объемный медальон в виде куса горного хрусталя, оправленного в серебро. Но более всего взор изумляла фигурка маленькой красногрудой птички, что каким-то

чудесным образом помещалось внутри цельного кристалла. Казалось, снегирь мирно спит, закованный в ледяном плену.

История обретения медальона тоже вышла таинственной, и Вероника часто просила матушку повторить ее, чтобы слово в слово запомнить семейную легенду, к которой и сама оказалась причастна. В детстве Вероника особенно любила темные зимние вечера у камина, когда Алисия с шитьем подсаживалась к огню и вспоминала странную гостью, оставившую в их доме удивительный дар.

«Она выглядела такой изможденной, еле ноги могла передвигать, опираясь на свою клюку. Когда я узнала, что на праздник Трех колосков в доме барона для старушки не нашлось и куска хлеба, то пришла в жуткое негодование. Издревле в этот день крестьяне оставляли на крышах своих бедных хижин колосья ржи и пшеничные зерна для птиц, угощали соседей пирогами и пивом, почитали добрых духов пашни, загадывая о новом урожае.

А наш состоятельный и благородный д'Эберви пожалел теплый угол и черствую лепешку для нищей странницы. Что нынче стало с богачами – вместо сердца костяные счета для сбережений!»

«Мамочка, ведь в тот вечер они ждали куда более пышную гостью, разве не помнишь, что сказала их Розель, будто бы сама Фея Незамерзающего ручья пожелала наградить малютку Терезу великой милостью, обещая ей в мужа настоящего короля».

«Мое доверчивое дитя! Я уверена, что спесивый Вильгельм это выдумал, чтобы потешить приятелей во время застолья. И зачем ему понадобились сказки? Тереза и без помощи фей получит все, что доступно за деньги и связи».

«Почему ты не любишь семейство барона, мамочка? Разве с тобой дурно обошлись в их доме?»

«Вильгельм не плохой человек, Вероника. Вот только любит помечтать зря. А еще враль и трус! Забудь о нем, милая, нам нет дела да знатных господ, мы живем в достатке, а пото-

му в тот холодный ветреный день я привела нищенку к нам, усадила вот сюда, где ты сейчас – на дубовую скамеечку, поближе к огню. С ног старушки текла грязная вода, запавшие глаза слезились, а сморщенные щеки дрожали. Я подала ей теплого молока и отломала половинку от твоего кусочка пирога, того самого, что ты прятала под подушкой для гномов. Ты была совсем мала, Вероника, ты вряд ли помнишь... К тому же скоро заснула».

«Да, мамочка, и увидела дивный сон. Прекрасная женщина в синей одежде, расшитой звездами, склонилась надо мной и вложила в мои руки кусочек льда, внутри которого мерцало алое пламя – все тише и тише, а потом затихло, замерзло».

«Ах, Вероника, ты такая же выдумщица, как твой отец. Он-то был человек добрый и храбрый, он ни за что бы не прогнал с порога беспомощную старушку, не оставил нас одних в этот тревожный год. Да вот этого достойного человека больше нет на свете...».

«Дорогая моя, не плачь, лучше припомни, что еще тебе сказала старушка в тот вечер!»

«Она обещала, что в жизни маленькой Вероники случится настоящее чудо, если она вернет медальон в руки законного владельца – наследника замка Снегирей, герцога Конты де Маликора».

«Я непременно верну, мамочка! А когда он снова приедет в Тарлинг? Я хочу поскорее увидеть чудо».

«Не знаю, милая, может быть, никогда», – вздыхала Алисия, поглаживая мягкие локоны дочери.

Но Вероника уверенно отвечала:

«Он приедет, я знаю, я буду ждать его каждый день, а потом выбегу встречать прямо на улицу. И пусть будет дождь или метель, я ничего не боюсь...».

«Надеюсь, что эта вещичка защитит тебя от всех бед. Храни ее, как амулет на счастье, а чудо мы попробуем сотворить своими руками. Главное не поддаваться лени и унынию, запомни это покрепче, Вероника. Я не всегда буду рядом, чтобы тебе подсказать».

Вероника прижала к губам гладкую поверхность медальона и вскоре убрала его обратно в шкатулку. А вот платок с гербом пора показать рыцарю. И надо бы проведать Ламарка. Ах, да, теплые носки! И еще нужно позаботиться о славном обеде для всех обитателей дома, включая гостей.

Но когда с корзинкой в руках Вероника перешла на половину дядюшки Баффо, то первое, что заметила в просторной кухне – это был стол, заставленный всяческой снедью. В центре на деревянном блюде возвышался жареный до золотистой корочки гусь, окруженный яблоками. Закуской к нему шли каперсы и горошек.

Нет сомнений, столь жирная птица могла быть куплена только в соседней лавке. Вероятно, оттуда же были и сочные колбаски и миска с паштетом из печени и овощей – отменное кушанье по тайному рецепту самого господина Грахема.

На десерт предполагались сахарные вафли и яблочный пирог. Смутившись, Вероника отвела взгляд от роскошного угощения и обратилась к самому дядюшке Баффо – хозяин мастерской суетливо шевелил поленья в очаге и не сразу заметил появление соседки.

– Разве сегодня какой-то праздник? Ох, простите, я даже не пожелала вам доброго дня...

– Я и сам с раннего утра чрезвычайно растерян, дорогая Вероника. Но это все мои нынешние постояльцы. Чрезвычайно почтенные люди. И очень богатые. Иначе стали бы они покупать вино у самого Каффы... Ведь у Каффы продают чрезвычайно замечательное вино, как известно. И самое дорогое в городе.

– Скажите, как себя чувствует господин Ламарк? Он отдыхает в спальне наверху?

– Ты спрашиваешь о юноше? – запнулся Баффо. – Да, вчера у него был жар, но к утру стало гораздо лучше. Господин рыцарь сейчас с ним – он-то и закупил столько еды, что хватило бы на воскресное гуляние нашего цеха.

– Ну, если припомнить, как мастер Тельмо обожает гусятину, вряд ли... Куда же вы?

– Я плотно позавтракал и еще не успел проголодаться. К тому же работа не ждет, надобно проверить мальчишек, не испортили ли они охотничьи перчатки для Примо. Располагайся как тебе удобно, Вероника, ты знаешь, где у меня столовые приборы, на сей раз можешь использовать серебро.

Ведь такой чрезвычайный случай! А хозяйничать у меня тебе не впервой.

— Это верно... — прошептала Вероника, стараясь отыскать особый смысл в словах старика.

И все равно поведение Баффо ее немало удивило. Прежде он не был так скован появлением в его жилище новых людей. Вероятно, дело в рыцаре, который одним своим видом внушает трепет и уважение. А вот и он — как раз спускается со скрипучей лестницы, поддерживая за плечо молодого приятеля или же правильней сказать господина.

И больше никаких капюшонов и повязок на лице — черные волосы рыцаря свободно спадают на плечи, темные глаза смотрят пристально-сурово, невольно хочется склонить голову или в смятении отвести взгляд.

Несомненно, этот человек привык повелевать толпой или войском, покорять города, идти к своей цели наиболее коротким путем, сметая любые преграды ударами надежного меча или столь же мощного кулака. И все же горькие складочки у губ таили печаль.

Вероника присела в церемонном поклоне, стараясь, чтобы жест ее не выглядел слишком подобострастно. И только веселое приветствие чуть охрипшего Лежьена помогло справиться с нарастающим волнением, внезапно охватившим все ее существо при новой встрече с тем, кто называл себя Карбутом.

Глава 8. Признание

Ближе к вечеру начался снегопад, позже даже разыгралась легкая метель, но в просторной кухне было тепло и уютно, пахло растопленным гречишным медом, ромашкой и мятой.

Весело потрескивали смолистые поленья, а повыше, на каменной плитке грелось питье для Ламарка – настой трав, облегчающих боль в горле, снимающих жар, придающих сил.

Молчаливому рыцарю Вероника подала серебряный кубок с коричневым элем. Сама же из любопытства пригубила разбавленное сладкое вино баснословной стоимости.

«Вкус, конечно, приятный, но мне больше по душе грушевый сидр. Марлен замечательно его готовит».

Как следует подкрепившись сочной гусятиной, довольный Ламарк начал беседу с неожиданного вопроса:

– Милая Вероника, позволь узнать, есть ли у тебя в Тарлинге сердечный друг, коего прочат тебе в мужа?

Прежде чем ответить она смущенно рассмеялась, намазывая на пухлый ломоть свежего хлеба свежее масло.

– Ты так витиевато спросил, а я скажу прямо – жениха у меня нет.

– Баффо сказал – на тебя заглядывается сын мясника.

И без того раздурманившиеся щеки Вероника вспыхнули от негодования:

– Я не давала Гальреду и легкой надежды, не говоря уже

об остальном. Что бы там не болтали, я лучше останусь старой девой, чем выйду за него. И напрасно меня пугают участью госпожи Крим. Судя по всему, ей прекрасно живется в обществе девяноста девяти кошек.

– Творец Всемогущий! Куда ей столько?

Вероника с лукавой усмешкой покосилась на рыцаря, до сей поры хранившего безмолвие. Он даже отошел от стола и уселся перед очагом, делая вид, что нет ничего интереснее, чем глазеть на догорающее пламя.

– Неужели это правда? Девяносто девять! – ахнул Ламарк вслед за старшим приятелем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.